

Александр Петров

ТУТ И ТАМ

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Александр Николаевич Петров

Тут и там

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54968580

Тут и там: Русский Гулливер; Центр современной литературы;

Москва; 2019

ISBN 978-5-91627-231-4

Аннотация

В сборнике известного сербского поэта, теоретика литературы, профессора нескольких американских университетов Александра Петрова представлены его стихи, написанные по-русски; статьи, посвящённые авангарду и русской поэзии в эмиграции, интервью, отзывы товарищей «по цеху». Стихи Петрова лаконичны, яркие, выразительны. В них много – от живописи примитивистов и абстракционистов прошлого века. Хуан Миро, Анри Руссо, Марк Шагал, Пиросмани могли бы стать иллюстраторами этой книги. Бродский считал Александра Петрова «поэтом значительной силы», «literata в классическом смысле этого слова».

Издается в авторской редакции.

Содержание

Стихотворения	6
«Эх-на! Родная земля»	6
Странники	6
Двухлунный верблюд	7
Девушка	8
Самец	10
Лю лю лю блю блю блю	11
Александр	12
Смерть	13
Поэт	14
Страна	15
Красная площадь	17
Девушка	17
Мальчик	17
Красная кошка	18
Сон красной площади	18
Железо и бархат	20
Железо и бархат	20
О двух головах	21
Смерть Мандельштама	23
Дела небесные	25
Варшава. Иерусалим	26
Смерть Романовых	26

Тут	27
Там	29
Параллельное измерение	31
В русской церкви в Белграде	31
Кринка	32
Скрипач Дьябло	34
Параллельное измерение	37
Звучание красной лилии	38
Змей с площади Клиши	41
Анима	44
Жар-птица	47
Последняя четверть	48
Франческа да Римини	52
Авангард	59
Александрия. Итака. Платон	62
Александрия, с Итакой на уме	62
Последнее пиршество Платона	64
Статьи	67
Стихотворение «Смольный» в аспектах памяти	67
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александр Петров

Тут и там

Виктору Дозорцеву

В оформлении обложки использована картина Елены Гуро «Олень»

© А. Н. Петров, 2019

© Русский Гулливер, издание, 2019

© Центр современной литературы, 2019

Стихотворения

«Эх-на! Родная земля»

*Елена Гуро: «Небесные верблюжата»
(СПб, 1914)*

Странники

В России
верблюдов,
в общем-то нет
(разве только в Калмыкии
и в ее окрестностях).
Но мерещатся
странники небесные.
В Соловках
Рождественская
звезда!
Вещал там монах —
нужно верить в чудеса.
Ведь, жаловаться
на природу
напрасно.

Судьба!
Кому золотой
пустынный песок
и пламенный уголь
над головой,
а кому мороз,
сосна,
береза,
белый солнечный закат,
синие озера.
И – стихами
о небесных верблюжатах —
Елена Гуро.

Двухлунный верблюд

На звездном небе
двухлунный
верблюд.
Наблюд
атель, ты
веришь
только
своим рутинным
глазам?
Твой мгновенный
иммунный ответ:

лгунья луна!
Лжет прямо в лоб!
В пустыне горб.
Не один, а два.
Зеркальное небо!
И все!
Что, я вижу сон?
Ведь,
сон – тоже
ложь!
Двухлунный верблюд,
хорош, не хорош,
я знаю —
цена тебе
грош!
Но в моем теле
дрожь земли.
И неба дрожь.

Девуца

Дёвуща.
Верблюдица.
Кто она?
Мечтательница?
Влюблена
в пустынный ветер?

Луны сестра?
Звездагадательница?
Молодому верблюду
судьбу
предскажет?
Наступит секса
пора.
Найдет ли, волшебница,
супруга-колдуна?
Захочет ли,
вплоть до климакса,
без вина пьяна,
быть любви кудесницей?
Верблюжат
почувствует под сердцем?
Кормить будет
плод трудов
молоком?
Плутов
отучать от сосков?
А потом,
слушать их
вопли:
мать,
хотим жрать!
Должна?
Дёвица...
Кто она?
Солнца любовница?

Самец

Самец.
Самки нет.
Под шерстью
верблюжата кричат.
Нерожденные дети
ищут мать,
отца.
На кой ляд
они мне!
Верблюдица —
она мне нужна.
Мой родник
в пустыне она.
Природы дар.
Жизни источник.
Хочу я напиться
в хлам
вином из ее
бочек-почек.
Хочу почувствовать
восторг
в ее винограднике
хоть на мгновение.
Да, я стар!

Но время
моего любовного гона
не миновало.
Не миновал
и тела жар.
Знаю, что погибну
в жестокой схватке
с молодым вожаком
ее стада.
Не жаль!
Если только
причиной драки
будет мне
от вселенной награда —
она!
(Такого транс
не бывало у Хармса).

Лю лю лю блю блю блю

Однажды
во сне
верблюду
прогубамил мне —
лю лю лю лю лю
блю блю блю блю блю.
Смотрю и я

прямо в его
глаза.
Я понял,
верблюды,
даже кожей,
что ты мне сказал.
Потому, что
я люблю
тебя тоже.

Александр

Александр
не ангел.
Александр
не Врангель.
Александр
верблюды.
Верблюды
убьют.
Из верблюда
сделают
суп.
Из верблюда
невкусное
блюдо.
Укус,

не суп.
Верблюда,
хоть он всем и обида,
разве надо
убить?
Александра
лучше любить.

Смерть

Идет верблюд двугорбый,
одинокий,
на склоне лет,
идет иноходью,
медленно.
Впереди страна
горная,
незнакомая.
Страшит
ее новизна!
Острее она
лезвия.
Дрожит верблюд,
как в болезни,
от ее безмолвия.
Дорога крутая,
узкая,

но не та,
что в притче.
Вдруг – обрыв!
Тормозит
верблюду.
Зря!
Судьба!
Пропал верблюд!
Не вскрикнув
даже —
Отче!
Уж больше
не будет он
носить горбы
свои на спине —
как под черным солнцем
в пустыне
несет монах на плече
мешок со стихами
о неопалимой купине.

Поэт

Шаркаю иногда
стихами,
как в пустыне
о песок

ногами.
Буквы направляют
меня в страну
белую,
невесть какую.
И в жизни
дорога ведет меня,
странника
(не избранника
и не колдуна),
неведомо
куда.
Вперед. Назад.
Прямо.
А, может быть,
и мимо.
Но у поэта,
кругосветного,
жажда авантюры
неутолима.

Страна

Эх-на!
Снится ли нам
родная страна?
Она манит.

Родины ярлык?
Для кого – мать.
Для кого – тупик.
Для кого – икона.
Для кого – язык.
А с безвременных небес
офицер Николай
и институтка Ирина
смотрят на нас.
Отчизны
с недостижимой высоты
чудесная панорама.
И там,
где бесконечная лазурь,
голубизны венец,
шепчет поэтесса Гуро:
не плачь, мама,
не тужи, отец.

*Београд – Москва – Pittsburgh,
2014–2019*

Красная площадь

Девушка

Девушка бежит босиком по Красной площади.

Горячая Красная площадь.

У девушки загораются ноги.

Девушка взлетает.

Она летит над Красной площадью.

Народ в изумлении смотрит.

Кто поверит своим глазам?

Кто не верит, что видит эту девушку,

для того

этой девушки

нет.

Нет.

Мальчик

Мальчик идет по Красной площади.

Идет на руках.

Мальчик видит небо.

Оно золотое.

В небе стоит собор.
Пустой собор.
Только свечи горят.
Мальчик хочет перекреститься.
Или вытереть лоб.
Горячий от пота.
Мальчик падает.
На Красной площади
золотая голова.

Красная кошка

На Красной площади черная кошка.
Кто-то сошел с ума.
Нет больше черных кошек.
На моей кровати красная кошка.
У нее под левой грудью стучит молоток.
Красивая красная кошка.
У нее звезда на животе.
Пылающий серп под звездой.
Что делать со жгучей красной кошкой?
Подарить красную кошку Красной площади.

Сон красной площади

Я вижу сон.
Это Красная площадь спит.
Я читаю стихи на Красной площади.
В моих стихах Мандельштам
с лопатой в руках ищет солнце,
зарытое на Красной площади.
Красная площадь просыпается
от стука его лопаты.

1972

Железо и бархат

Железо и бархат

Железа лязг!
Бархата нега!
Их священный союз —
от века,
как руки и перчатки,
как соли и хлеба.

Скрип пера,
затем скрип сапог
и снега.
Снега, снега.

Вот и весна играет первую скрипку.
Чугунные струны.
Бархатная синева.
В их радушном объятии
цветет подснежник,
красной окраски.

Железа блеск!
Бархата лоск!

Сплочены навеки,
как фитиль и воск,
они со страстью
и лаской
закаляют калину.

А нам,
перед смертью,

как в детстве,
мечтать уж об одном:
о крынке,
с молоком.

1991

О двух головах

Революции неистовые
поэты. Смельчаки.
Словно о двух головах.
Одна танцует от печки.
Другая в облаках.

У первой лицо
в огневых точках,
как в веснушках.
Лица второй не видно.

Она взвилась свечой
к солнцу и свет
излучает потомкам
и грядущим векам.

А мы, потомки,
вникаем в потемках
в души поэтов,
сведенных теми
на нет.

Души,
оказавшись в нетях,
приобретают лицо.
И у молодых
вид стариков.
Им тогда
уже было сто лет.

В один год
они жили два.
И три. И век.

Резню
предназначенную для всех,
не Бог весть кто,
а он, она,
до дна глотнули.

Узнаешь резьбу
общей судьбы
в стихах
со сноской: автор убыл?

Не снес головы,
единственной,
в головокружительные годы.

1990

Смерть Мандельштама

На переломе года,
в последних числах декабря,
была опубликована статья
о том, что отыскан ров,
куда был зарыт
Осип Мандельштам.
Там есть чертеж,
и в нем все налицо:
саперная сопка,
крепость, бараки, лазарет,
где так и не лежал поэт,
как думал искусствовед,
чья это была находка,
хоть находка слово не то.

Уже после него, зэк
очевидец описал смерть.
Холод. Карантин. Тиф.
Их повели на санобработку.
Но без воды. Мандельштам
сдал в жар-камеру одежду
и в одевалке, гол,
свалился на пол.
Уголовники тело
облили сулемой,
вынесли на двор
и, отметив Новый год,
втоптали в морозный
каменный ров.

Ему, рожденному в ночь
со второго на третье января,
по Юлианскому календарю,
не умирать было весной
или в летнюю жару.
Пламени было невмочь
поглотить поэта-осу.
Под силу оказалось
камню и льду.

1990

Дела небесные

*«Потому что не волк я по крови своей И меня
только равный убьет»*

Осип Мандельштам

Он не был равен им,
бронированным,
стальным?
Полный диск луны
был виден в декабре
не раз, а дважды
над Кремлем.
Лишь для невежд
в делах небесных
то был сюрприз.
Знатокам гнезда
(слепой ласточки)
на ладони поэта —
осуществление надежд.
Наступилб что в лоб,
почем зря,
Мандельштама год.

Варшава. Иерусалим

Два брата. Одна сестра.
Родились в одном и том же
двадцатом веке.
Один брат родился в России.
Один брат родился в Германии.
Сестра родилась в Польше.
Все трое родились
в одной и той же комнате.
У брата, который не русский,
сын француз.
У брата, который не немец,
сын не француз.
Он не поляк. И не русский.
Сын свой собственный предок.
У сестры нет сыновей.
Она вечная девушка.
Прозрачная как воздух.
Легкая как пепел.

1985

Смерть Романовых

Смерть —

расстрел в подвале —
спасла их от забвения.

Смерть
рукой суровой
дала им в дар
венец страдания.

Смерть
от пули,
огневой кистью
блеск вокруг их голов
запечатлела.

Но сияния,
после падения,
пришлось ждать
почти век.

Время
без начала и конца —
не человек —
скорописец.

2013

Тут

Как у вас тут?
Где тут?
Наверху?
Тут.

Наверху тоже тут.

Жмут.

А тут?

Внизу?

Тут.

Внизу тоже тут.

Внизу поют.

А тут?

Где тут?

Налево?

Тут.

Налево тоже тут.

Налево кнут.

И тут?

Направо тоже кнут.

И тут поют?

Поют.

И когда их бьют?

И когда их бьют.

И убьют?

И убьют.

Но поют?

Поют.

Ты шут?

Тут.

Там

Тут
вроде врут,
что там
бьют битый час
по голым жилам
и по хребтам.
Ну их к чертям!
Лишь бы не
по головам!
Один открыл уста,
чтобы наполнить
живот
хоть виртуальным свитком,
а получил по зубам.
Должно быть
красавицам
там хорошо!
Хлестают
всех фей там
по попам
и по хвостам.
Девушкам
кончают
в рот.
Дроботунов мечта —

секс без забот.

Таким там

предаются мечтам?

Любят они и говорить

по душам.

И исповедовать

народ с крестом!

Но если кто

сойдет с их креста,

бьют в набат

и кричат

благим матом.

Что, там

тарарам?

Тамтам.

Параллельное измерение

В русской церкви в Белграде

Мальчик прислуживал
в русской церкви в Белграде
в белом стихаре.
Перед алтарем, со свечой,
он стоял между Спасом
и паствой,
молившей за себя и тех,
кто остался на кресте.
Они сошли. Каются ли в этом?
Или же они хлеба,
убраны Его рукой
и сыпаны сюда в амбар?
Ведь светятся у них
в глазах
поля, покрытые жнивьем.
За церковной стеной
их ждет
несожженный корабль.
А мальчика дом.
Здесь восприемник
вложил ему в уста

иной язык,
пьянящий его
своим вином.
Но, вот, он молится
на том
ржаном, родном.

1991

Кринка

Кринке П.

1

В родном языке
глиняное имя твое
кипит молоком,
как родник
в горах
бьет ключом.
Обжегшись на кровинке
обливки простой,
я на воду не дую,
а горю свечой.
Глубиномер гончара

пропал в огне.
Тебя не измерить
на глаз.
Лишь познать
душой.

2

Глиняное имя твое
в языке родном
кипит как родник
и пахнет молоком.
Обжегшись на кровинке
обливки простой,
я на воду не дую,
а горю свечой.
Гончар-глазомер
сгорит уж в огне.
Ты же прах его
береги, у себя,
на дне.

1991

Скрипач Дьябло

На кой черт
я в моем оркестре
главный дирижер,
когда первую скрипку
играет парень —
и не старый и не молодой,
ростом карлик,
своего прозвища
достойный —
Дьябло.

Его без толку
убеждать,
что в звукояреде
вообще возможен
лад.
Чертовски хитрый,
спросит он —
«А на кой ляд?».

«Ведь мыслить,
что суть мира в красоте,
в добре, в ладу
и в полноте бытия,
и что в искусстве просвечивает

мироздания идеальная основа —
не что иное,
как чтить снова
богиню древних славян —
Ладу.

Нет, здорово,
что вокруг
ее сердцелистной липы
девушки водили
хороводы.
А у меня, кстати,
рождаются из ели
гипнотические скрипы.
Но соблазнение трением —
к чему?
Не спасет же
дочь Зевса
Гармония
своим сладкогласием
никого от падения,
от гибели,
от тления.

Господин
обворожительный дирижер,
воздушного корабля кормчий
(и тем не менее зануда),
позвольте, пусть вам объяснит

запретных истин
и языков толмач,
и скрипач ниоткуда,
что исходная черта
искусства —
сюрприз!
Вдруг в звуковом
ладу – раз-лад!

Верь, не верь,
в плавном звучании,
не только оркестра,
неожиданный звук,
похожий на пение дверей
или на треск дерева,
на вербы хлест —
это судьбы всплеск,
ее властный стук
и блеск».

Да, скрипач,
возможно, ты прав.
Но вопрос, вот вопрос,
Диабло мой,
как быть в ладу
с судьбой?

Параллельное измерение

Кринке

Параллельное мое измерение —
защищено оно
тишиной,
ну, как дом
приосенен крестом.
За семью
печатями немоты
стоит
четвертый чертог.
В него не проникнет
ни голос из гортани,
ни воздыхание
души.
Не нарушит тишь
ни тени шум,
ни глухого колокола
гул.

Но вдруг как будто
с трубой ангел
пролетел.
В безветрии
слышно

дыхание ветра,
в молчании —
светлых гласных разгул.

И под строгим
дозором
раздался в этом измерении —
оно без путей и дорог —
зов таинственного
рога.
Отозвалась
oboa d'amore.

Умер я,
что ли?
На безмолвном полотне
звонкий рисунок
крина
поет без усилий.
В безначальном беззвучии
звучат ароматы
лилии.

2011

Звучание красной лилии

Людвиг Таинственный,

ван Бетховен,
отец девяти гармоний
(не узнававший под старость
своих дочерей),
даже в «Пасторали»
не подражал
просто звукам ручья,
соловья, грома.

Маэстро чертил
на незримом полотне,
как у словесной твари
на божьей планете
и в жизни природы
звучит страсть зачатия,
беременности нежность
и радость, с которой
кончаются роды.

И, конечно,
запечатлял трепет испуга
в присутствии недруга —
смерти.

Пётр Скритный,
Чайковский,
пленник отчаяния,
образ судьбы
воображал как —
стук.

Ведь слово,
любовь,
оно – звук.
Вселенная тоже – звучание.

Густав Противоречивый,
Малер, учитель,
блуждающий по морям,
и блюстититель
земных песен,
тем не менее
замыкался плотно
во внутренний мир,
тревожа его,
как алкоголь печень.

И хотя я не мастер по созвучию,
но внимаю и я жужжанию
красной лилии
и прислушиваюсь,
как из её дыхания
на мою ладонь
течет в обилии
мед.
А кто там поёт?
Кто стонет и плачет?
Колено? Плечо?
Лоб?

2011

Змей с площади Клиши

Снишься мне,
парижская москвичка,
девушка двадцатилетняя,
корнями с проспекта
фельдмаршала Михаила
Илларионовича,
характером снежная,
волшебная.

Снишься мне, князю,
князя Кутузова старше,
по прожитым годам,
конечно...

А говорят, что в смерти
время не в счет,
что в мире ином
все морщины сглажены
и все мы ровесники.

Но князь, хотя к познанию
подсознания склонный
и сединой овенчанный,
о секретах Танатоса

и Хроноса
мало ведает,
почти невежда.
Ему иногда
только кажется,
что перед дверьми
энтропийного ада
бывает он
скрытыми прелестями
вдруг воскрешен.

Снишься мне,
парижская девушка,
москвичка корнями.
Надо мною стоишь
как трилистная арка,
выше всех крыш и башен
на площади Клиши.

Станцуй мне,
прошу,
последнее,
должно быть, помнишь,
белое, зимнее
танго.
И вот одной ножкой
девушка-арка
в облаках,
другой

на моё плечо
снизошла.

И светится она
лучом
у меня в темноте,
где змей,
все ещё яхонтовый,
просыпается под ребром.

Горят его глаза,
хочет он,
не чуя бедствие,
чтобы мышка,
с чёрно-лиловыми зрачками,
прибежала с арки
к нему в берлогу,
в сумасшествие.

Снишься мне, парижская
девушка,
корнями москвичка,
чародейка,
одетая как
гречанка,
с копьем
в руках.

Богиня,

змея
давай объём
или же лаской
его угомоним,
вдвоём.

2010

Анима

Нет,
ты – не тень.
И зря
твердишь,
что ты лишь
отражение мое.

«Я тень твоя, —
твой слышен шепот —
незащищенного
от полночных,
бессонных лучей.
Я только тёмное
пятно в взволнованной
тишине,
глубоко в тебе,
на дне.

Наверное —
не умолкает шелест —
ты любишь образы...
Ну, вот и образ,
вот и вид мой мгновенный,
как явление иконы
в пустыне.

Я привидение
в разбитом зеркале
лба.

Вернее,
если хочешь,
призрак черной кошки
на внутренней
и раскаленной
поверхности виска.
Словом,
я – та».

Нет, ты не
невидимка.
Забыла
облик свой,
обиженной?

«Я не твоя преданная
вздыхательница,

не девица-поклонница.
Я железобетонная,
с ног не собьёшь;
они, как у балерины, —
стальные.
И нервы,
тоже».

Нет,
ври – не ври,
но твои нервы
не чугунные,
не отлитые
в доменных
печах.

Да, ты девушка-солдат,
смелый воин,
даже когда на поле боя
остаешься одна.

Не то что я, —
иной у меня сплав,
и не металл,
и не черный.
А голова —
сегодня на плечах,
а завтра, быть может,
в корзине.

Но нервы
у нас двойники,
та же чувств
напряженность,
и, что ж,
та же дрожь.

2011

Жар-птица

«Я уже не горю!» —
сказала жар-птица.
А парень ей
в ответ – «Гори!»

«Гори внутри,
как уголь,
жаром
и снаружи
опереньем.

Перо твое
– луч.
Живуч, могуч,
не застится
ничем.

Сказочный герой
твоим лучом
сердце царевны
разогрел, как сургуч,
и присоединил
к себе —
вернул дереву
золотой иверень.

А тебе
я верный,
как бумаге —
перо.

Голову тебе отрежу,
сердце выну,
черное пламя начну пить,
о жар-птице, девице,
буду мечтать,
писать, говорить».

2011

Последняя четверть

Вот, кажется, как
в сказке – «вдруг!».
Человек,

добряк он или чудак,
сноброд или сумасброд,
скользнул,
без казни,
болезни, возни
и тормозни,
в последнюю четверть жизни.

В нем,
бывает нередко,
ночная бабочка
не спит. А в черепе
горит лампадка.
Он становится
человеком-ночником
и чувствует, как
на спине
часы спешат, считая
его век.

Последняя четверть
луны
ходит вокруг
его головы.
И спутницы темной,
воровки
(потому и светит),
тело тоже стареет,
но она новолунье

носит в запасе,
как имущество,
унаследованное без заслуг.

Число дней,
часов, секунд
до её возрождения
словно врезано
в камень,
лунный или земной.
Она сегодня
вываливается,
как старуха у Хармса,
из окна,
а завтра на веточке яблони
будет сидеть – красивая, молодая,
вроде, без греха.

Не то что он,
человек!
Он – беззапасный.
Всё, что годами
копил, хранил, боронил
от порчи, прятал – зря!
Не впрок!
В запасе у него
не когти,
как у кошки —
смерть не вспугнет,

когда стукнет срок.

Четвертой четверти
конец не отсрочить,
как свадьбу.

А блины,
водка, селедка, икра —
годны для покойника
и для жениха.
Как и труба.

Но в его почтенном возрасте
разница между похоронами
и женитьбой
(или просто сексом,
если еще мужчину
привлекают зрелые дамы) —
в таблетках виагры.
Афродизиаки,
в том другом мире,
ни к чему.
Как и клистир,
между прочим.

А когда ангел
начнет трубить,
что до его ног
доползла
заветная черта, —

никто не знает.
Знает – Бог.
Ну, и черт,
виновник торжества.

2011

Франческа да Римини

Виктору Дозорцеву

1

Конечно, вы
читали этот ветер,
смерч под корнями сумрачного леса,
под пластами красной земли.

И адского спектакля
вам режиссер
известен,
он враг мракобеса
и сторож
непричудливой любви.

Он телеса

грешников,
в плену у страсти,
несравнимой ни с чем
под малым небосводом,
превращает в тени.

А в вечных селениях
над скорбной тенью
властен огненный вихрь,
продувший и меня,
хоть был я там, в аду,
пока как зритель.

Вергилий,
нетленный
и как «родник
бездонный»,
он и мой учитель.
А в веру
погруженный
Данте Алигьери —
он сострадающий проводник
в повести
о гибели в час любви
Паоло Малатеста
и Франчески да Римини.

Стихи о горестной любви
в духе модерн
пишу, сидя за компьютером.
Поэт символист,
кстати, мой тёзка,
Блок и, дыша ароматом
мороза и духов,
его Франческа
дочитывают лист,
но не о Ланчелоте
сладостный рассказ,
а о пузырях земли
в «Макбете».

«Жаль!», —
шепчет еще в цвете лет
Александр Блок.
«Пока читали,
мы не отстранили маски.

В пьесе двинулся лес,
а мы сидели, почти
как на картине Матисса,
в роскоши и покое,
но в светской одежде
и без наслаждения,

без соприкосновений,
без ласки.

За окном большой
пестрый кот
и целующиеся голуби
в снегу, на крыше,
а в комнате у нас
болтовня,
досада, пустота.
Прошли времена
Паоло и Франчески».

Александр не прав.
И современная Франческа,
в джинсах
или в изысканном платье,
жаждет неугасимой
искры эроса.
Где искринку найти?

Молодому трудоголику Паоло,
когда грозят скудость
и денежная нехватка
покоя не дает вопрос
исполнятся ли,
хоть на авось,
непроходящие мечтания
о благополучии, удаче.
А затем уж

о супружестве, забаве.

И, лишь как далекий отклик,
бред о доблестях,
о подвигах, о славе.

3

Джанчотто все забыли!
Прости, Джанчотто!
Захлестнуло память!
Не помню,
заметил ли тебя,
плавающего в кипящей крови,
суровый Дант,
как упомянул его в сонете
Великий Александр.
Да и другие, избранные
посетители ада,
не сочли твою тень
достойной их внимания,
даже взгляда.

А меня, как во сне,
– несмотря на смертный риск
первой встречи на пути
с той проворной пёстрой рысью, —

в страну страдания
влекло желание
разгадать загадку:
зачем ты избрал
столь скорбную судьбу?

В Римини,
где берега Адриатики
приравнивают к ложу
олимпийцев,
ты был знатный муж,
чтимый отец,
опытный воин,
завоевавший доверие
и папы в Ватикане.

Ответь:

как шерстью зверя
могла покрыться
твоя плоть?
Как смог ты
жену и брата,
настигнув их в объятьи,
заколоть?

«Франческа, она
несчастью причина!
Словно зеркало
поднесла к моему лицу.
Старик, урод,

хромец!

Пусть так!

Но и у старика,
урода и хромца
есть честь!

Нет, я не агнец!

Безумец я!

Но не браколонец!

И не баба, как Дант!

Подумай,
разжалобила барда!

– Любовь, любить
велящая любимым,
меня к нему так

властно привлекла! —

Одна ещё её жемчужина:

– Повесть победила нас! —

Это книга зла источник?

Книги, что ли, надо жечь?

Вот, ад неплохая печь!».

Повесть, Джанчотто,
здесь ни при чем.

А мужчин

старых, уродливых,
хромых,

женщины,

и совсем молодые,

бывало, любили,
когда ими были любимы.

Любить, наверно,
нужно безотчетно,
нутром.

«Изменила мне,
извини!

Моя вина!

Не дал дар,
остался без дара».

Безрассудно —
и звёзды
рождаются вновь.

Очевидно,
ошибка есть
во вселенной —
нелюбовь.

Как гнилой зуб
во рту.
К черту!

2011

Авангард

Ну что же, если речь идет об авангарде,

то начнем уж с кельтов.

Иным путем, чем греки и латины,
проник в Европу арийский авангард.

Сначала с юга, обогнув Тавриду,
потом, как учит нас словарь Эфрона,
повернув на запад и на север,
переплыв Дунай, достиг он волн
Балтийского и Немецкого морей.

А уж затем на юг, но не назад
к сокровищам Востока, но вдоль
берегов, где чудеса творил Борей,
к Франции раздольной.

И, вспыхнув там огнем,

он искрами покрыл все то, что
Сообществом мы назовем теперь.

Не миновав часть Азии, при том.

Куда не взглянешь – остров
кельтский! На полуостровах,

Балканском, Пиренейском, и в Бретани,
в Британии, где за свет дневной взимали дань,

по Дунаю, стремившемуся в неба ширь,

Рейну, где девчонка манила дланью

лунатиков к себе на пир, виноградной Роне,

нарядной Сене, Луаре, убранной

подсолнухами, теми, ошеломившими Ван Гога,

но, конечно, позже, гоготунье Эльбе,

в Галлии, в Эльзасе, Боже! —

всюду жили галлы, бритты, бельги,

словом – кельты.

Кто сказать посмеет —
кельтов не было у нас?
Но вопрос, вот вопрос —
где они сейчас?
Где же кельты?
Где тот светлый авангард?

1991

Александрия. Итака. Платон

Александрия, с Итакой на уме

Я посетил город, в котором жил поэт,
город моего имени,
с маяком на дне моря
и книгами на полках облаков,
нашел дом, в котором он скрывался
от вестников, сообщавших ему,
что время расставания истекло.
Я долго стоял перед темными,
дубовыми дверьми его квартиры,
прежде чем решился коснуться звонка.
Никто не отозвался.
С форштевня своего рабочего стола
после утомительного пути
он шагнул на берег Итаки.

А может быть попробовал еще раз
обойти ее гавань,
уйти под парусами в открытое море,
опять отправиться в запретном направлении
на край света,
чтоб вновь послушать смертоносные стихи,

погрузиться глубоко в себя
и обменяться парой слов
с мертвыми друзьями.
На все он был готов,
только бы и дальше шагать по тротуару,
которым ежедневно проходил,
отправляться в греческую церковь
Святого Саввы на соседней улице,
иноверцами не превращенную
в руины,
молить властителей небес ему позволить
любовнице своей единственной,
хоть на песке она была каменным домом,
не говорить еще последнее —
прощай!

И у меня стоит перед глазами
образ Итаки,
высеченный на внутренней стене
моих висков,
истинная моя родина,
которой я обязан всем,
и своей жизнью.
Но я повторяю его слова,
читаю его мысли:
суждено тебе на Итаку вернуться,
нет никого, кто не вернулся бы,
старайся только подольше оставаться в пути,
чтоб старость встретить в чужом мире,

ибо годы, что проведешь ты от нее вдали,
а с ней на горизонте,
заставят и тебя понять,
что для нас значат все Итаки.

(Перевод с сербского Мариной Петкович)

Последнее пиршество Платона

Милану Буневцу

На угощение богатое,
такое, что и у богов бы слюнки потекли,
с напитками, что сердце воспламенят
да вдруг и остановят,
когда мечта его сбудется —
наполнить МОЗГ вином,
как наполняют бочку дубовую,
еще с плодами из морских глубин,
эффект которых не сравнить с виагрой,
от них и обезьяны попадали б с дерев,
когда бы на ветвях совокуплялись,
не говоря уж о редчайшей снеди,
от птиц молока и до яиц от попугаев,
на это плоти торжество,
на парад страсти этот,
пригласил всех лично он,
сын богача

со звучным именем —
Платон,
дам первых и вторых,
особо оных,
паденью склонных
(и трех красавиц куртизанок),
в них мужей влюбленных,
и неверных,
и рогоносцев совершенных,
и мальчиками обуюнных козлов,
и неучей атлетов, и сверхученных стариков,
чтоб, если есть желанье жрали,
бражничали, пели, скакали,
под лиры звуки поплясали,
пока бы на траву не пали,
чтоб напоследок им
открыть доселе
тайну, в себе хранимую.
Чтобы его слышали,
чтоб поразительная весть
дошла до уха всех,
во весь кричит он голос:
«Довольно было,
ну, довольно!»
Не пакость здесь причиной или злоба,
а мир души
и духа озаренье
ему велят без сожаленья
всем объявить,

что навсегда он оставляет роль
устроителя пиров,
борделей этих.
«А стихи мои,
детей от тела моего,
здесь перед вами,
вот, на папирусе,
пусть поглащает пламя.¹
По-ученически смиренно,
нога к ноге,
отправляюсь на заре
к Сократу».

2013

(Перевод с сербского Мариной Петкович)

---

¹ Жаль – подумает человек, совершая прогулку по страницам истории. Поэзия, все же, исполнена не только страстями, как штрудель с маком или с козьим сыром пирог. Ибо пожелал бы кто-нибудь и сегодня прочесть стихи Платона. Но и пепел развеял ветер. Так что вместо удовольствия, plaisir du texte – печаль.

Статьи

Стихотворение «Смольный» в аспектах памяти

В статье разбирается стихотворение «Смольный» (А. Петров, 1979) – в аспектах коммуникативной, автобиографической и культурной памяти.

Мама – моя личная связь с Лениным.
Ленин – в Смольный. Мама – из Смольного.
Ленин из Смольного руководил революцией.
Мама в Смольном проходила гимназический курс.
В так называемом институте благородных девиц.

Смольный для мамы был, как клетка для птицы.
Раз в неделю отпуск. Как в армии.
Летние каникулы, пока их дождешься!
Рождество. Пасха.
Заключительный бал.

И тут Ленин. На улицах – рабочие отряды.
Революция – краткий перерыв в уроках.
Перемена между французским и немецким.
По-русски говорили только по воскресеньям. Или

шепотом.

И в вагоне, когда ехали в Харьков...

Вокзал. Старый Петроград на перроне.

Провожают с иконами.

Девушки в форменной одежде. Родные с цветами.

Конфеты, извлеченные из потайных ящичков.

Будь осторожна! Пиши нам!

Благословение бабушки. Брат-близнец с шапкой в руке.

Скоро увидимся!

Смольный – обратно в Смольный?

Красные в Харьков. Мамин Смольный – в море.

Новая классная дама. С желтым лицом.

На голодных уроках впервые не откликаются вызванные.

Одесса – Варна – София – Ниш – Белград.

Наконец Турецкий Бечей. Кофе с молоком на завтрак.

Тайные записи на всех языках. Знакомые русские кавалеры.

Одни с эполетами, другие в штатском.

Балканский Смольный.

Выпускные экзамены. Двери настежь!

Десять часов за кассой.

И так – десять лет...

Благородная девица в капиталистическом обществе.

За чужой кассой.

Мамина новая семья. Не изменившиеся обычаи.

Война. Красная армия.

Чаепитие с красными офицерами. Разговор по душам. До
рассвета.

Разные взгляды. Общие слезы.

Занавес. Упал. Поднялся.

И мама пришла к Ленину,
как в торжественный зал. Как на прием
к новому директору в Смольном.

Поклонилась и молча прошла.

Седая.

Он уже был моложе.

(Перевод с сербского Музы Павловой.)

И. П. Смирнов в известной и уже ставшей классической книге «Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака)» утверждает, что текст-текст отношение является текстопорождающим отношением в словесном искусстве². Я вполне согласен с такой «концептуализацией» текст-текст отношения для многих литературных произведений, включая и некоторые мои стихотворения. Очевидная текст порождающая интертекстуальная связь концовки стихотворения «В русской церкви в Белграде» («Здесь восприемник / вложил ему в уста / иной язык, / пьянящий его своим вином. / Но, вот,

---

² Смирнов И. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака / Wiener Slawistischer Almanach. 1985, Sbd. 17. С. 5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.peterlang.com/downloadpdf/title/67231> (дата обращения: 20.07.2019).

он молится / на том / ржаном, родном») со стихами Есенина: «Потому, что я с севера, что ли, / Я готов рассказать тебе поле, / Про волнистую рожь при луне. <...> // Эти волосы взял я у ржи...» («Шаганэ ты моя, Шаганэ!»). Такое же текст-текст отношение и со стихом Цветаевой: «Русской ржи от меня поклон» («Русской ржи от меня поклон»).

Но я не думаю, что даже возможное «выявление» «Смольного» как интертекста будет определяющим в реконструкции его «генеративного процесса»³. По-моему, возникновение «Смольного» определили три момента: рассказы матери автора, мемуары, журналы и книги по истории Революции и эмиграции, воспоминания автора. Все три момента связаны с тремя типами памяти: коммуникативной, культурной и индивидуальной, или автобиографической.

Ян Ассман указывал на разницу между коммуникативной и культурной памятью. Содержание первой – «история в рамке автобиографической памяти, недавнее прошлое», второй – «мифическая история, события в абсолютном прошлом (*in illo tempore*)». Форма первой – «неформальная традиция и жанры повседневной коммуникации», а второй – «высокая степень формы, церемониальность». Носители информации первой – «живая, воплощенная память в повседневном языке», а другой – «тексты, иконы, танцы, ритуалы, спектакли разных типов; “классический” или формальный язык(и)». Структура времени в первой – «80–100 лет,

---

³ Там же.

подвижной горизонт 3–4 взаимно действующих поколений», второй «абсолютное прошлое, мифическое примордиальное время, “3000 лет”». В первом случае структура участников «разнородная», во втором – это «специализированные носители памяти, иерархической структуры»⁴.

Необходимо уточнить, что Ян Ассман свои строгие бинарные оппозиции оценил «не вполне соответствующими современной обстановке», так как в современном обществе есть тенденция «к дифференциации бинарных структур и к лингвистическим разнообразиям из-за многосторонности средств информации культуры, таких как кино, радио и телевидение»⁵. Но его предупреждение больше относится к культурной, чем к коммуникативной памяти.

По моему мнению как автора, коммуникативная и автобиографическая память, а в меньшей степени и культурная память, но не текст-текст отношение, являются основным текст порождающим фактором «Смольного».

Я не планировал писать стихотворение об Октябрьской революции. Я решил написать стихотворение о матери после ее кончины в 1978 году. Почему у меня возник Ленин? Вероятно, потому что из-за революции моя мать Ирина вместе со Смольным институтом благородных девиц покинула

---

⁴ Assman J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook / Astrid Erll, Ansgar Nünning (Hg.). Berlin – N. Y., 2008. P. 117.

⁵ Там же.

родину и семью, оказавшись по окончании Великой войны в далеком и для нее тогда чуждом и незнакомом мире – в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, Новом Бечее – небольшом местечке на берегу Тисы. Несомненно, Октябрьская революция изменила жизнь матери, хотя в октябре 1917 года ей было всего четырнадцать лет.

А разве может стихотворение с именем Ленина в первых строках не быть и стихотворением о революции? Не расстанется мать с Лениным до конца первой строфы, и снова они вдвоем в последней строфе. А рядом с ними как бы происходит столкновение двух миров, которые, по мнению Ленина, не могут существовать одновременно и рядом. Один мир – олицетворяемый Лениным, другой – тот, в котором родилась моя мать. Это два мира, противопоставленные друг другу на одной и той же исторической вертикали; тот, кто со дна ее, хотел бы все перевернуть и поставить с ног на голову, а тот, что с ее верха, стремится все сохранить.

Первая строфа – свидетельство тому, что в стихотворении «Смольный» не ставилась задача создания точной исторической картины Революции. Институт еще летом 1917 года покинул знаменитое здание, одно из красивейших в городе Петра, которое в классическом стиле в 1806 году возвел архитектор Джакомо Кваренги при Воскресенском новодевичьем Смольном монастыре. Здесь тогда проходило обучение принятых кандидаток, здесь же ученицы и жили. Поэтому второй стих не является достоверным. Институт покинул

здание Смольного не по приказу Ленина, а по решению Временного правительства Керенского, вождя Февральской революции 1917 года. Причина – отмена дворянских привилегий. Это была причина, выразившая волю большинства русского народа, к которой с пониманием отнеслись и многие представители дворянского класса.

Ленин впервые переступил порог Смольного лишь поздним вечером 24 октября. После полуночи было принято решение занять Зимний дворец. В ту же ночь началось и к утру завершилось свержение Временного правительства Керенского. В тот день 1917 года Смольный стал и десятилетиями оставался символом Октябрьской революции. Так запечатлено во многих книгах по истории, но не совсем так в стихотворении «Смольный». Но разве строго изложенный порядок событий важен для поэзии? Разве сущность октябрьского переворота не содержит совсем незамысловатая строка – «Ленин из Смольного руководил революцией»? Ленин провел в Смольном всего 124 дня. «Эти 124 дня – важнейший период в истории Великой Октябрьской социалистической революции, в жизни Ленина»⁶. Мне удалось за несколько лет до «рождения» «Смольного» увидеть комнату, в которой Ленин жил.

Но меня интересовал тот Смольный, который был обречен на гибель.

Революции часто бывают праведными, но почти всегда на-

---

⁶ Великанова А. Ленин в Смольном. Л.: Лениздат, 1990. С. 3.

сильственными. Смольный институт все же мирно покинул российскую столицу летом 1917 года, а затем, в гораздо более тяжелых условиях войны и голода, в 1919 году, и Россию. Были ученицы, которым не удалось дойти до конца этого беженского пути, став жертвами «желтой дамы».

«Смольный» – это стихотворение и о русской эмиграции. А эмиграция – это одновременно и рассказ о революции: русская эмиграция создала обширную литературу на эту тему, в том числе и мемуарную. О чем другом могли быть эти мемуары, если не об Октябрьской революции?

Мемуары писались, публиковались, читались и в Сербии. Профессор д-р Мила Стойнич в своей работе «Отголоски русского Октября в журнале “Српски књижевни гласник”» подчеркивала, что сотрудники СКГ «очень пристально следили за огромным потоком мемуарной литературы», и что «мемуары были представлены избранными отрывками, критическими отзывами или свободными интерпретациями и текстами, в которых мемуары были основным, относительно обширно цитированным источником»⁷.

Авторы мемуаров в основном придерживались двух позиций. Правые осуждали Октябрьскую революцию, хотя одиночки в их среде признавали необходимость общественных перемен. Для левых, в основном эсеров, характерно было «позитивное отношение» к Революции, но не к большевист-

---

⁷ Стойнич М. Отголоски русского Октября в журнале “Српски књижевни гласник”. Сто година Српског књижевног гласника. Београд, 2003. С. 286–287.

ской власти, преследовавшей их повсеместно «как прокляженных представителей буржуазной интеллигенции или либерального дворянства»⁸, так что они вынуждены были эмигрировать.

Русская эмиграция развернула и собственную значительную издательскую деятельность. В Сербии, которую русские эмигранты воспринимали как своего рода вторую славянскую родину, издавались книги, газеты и журналы на русском языке. Замечательный «Русский архив» (1928–1937), в котором сотрудничали эмигрантские писатели, художники, критики и историки, обосновавшиеся в Европе (Цветаева, Ремизов, Замятин, Гончарова, Марк Слоним), выходил даже на сербском языке. Редакторы журнала считали, что неверно отождествлять Россию с ее правительством и режимом, поскольку тем самым на первый план выдвигался политический вопрос и совсем исчезают Россия и ее народ. Задача журнала состояла в том, чтобы повернуться лицом к России и, в отличие от «абсолютно политического» и потому необъективного подхода, «показать и представить подлинную Россию во всем блеске ее гения»⁹.

Издательская деятельность, как и другие общественные, педагогические области, включая разные виды искусства, были отмечены двумя уже упомянутыми противостоящими позициями, достигнувшими политического апогея накану-

---

⁸ Там же. С. 288.

⁹ Руски архив (Београд). 1927, № 1. С. 1.

не Второй мировой войны, особенно в ходе войны, когда формировались эмигрантские воинские части для борьбы на стороне гитлеровской Германии против «коммунистической России»: некоторые русские эмигранты в оккупированной Югославии были готовы воевать вместе с самим дьяволом, только чтобы свергнуть Сталина и его коммунистическую власть (а немцы заставили их воевать в Боснии против югославских партизан).

Однако большинство русских эмигрантов не встало на сторону нацистов. Несмотря на идеологические различия, они не отождествляли большевистскую власть с русским народом. Тем более что Сталин провозгласил войну против немецких захватчиков народной и даже «священной войной».

И моя семья в оккупированном Белграде сочувствовала освободительной борьбе в Югославии и в России и молила Бога о ниспослании помощи. Вот почему и офицеры Красной Армии были встречены в 1944 году с большой теплотой в нашем белградском доме, а одна из его комнат была приспособлена для их круглосуточного пребывания. Мы со слезами на глазах слушали о страшных страданиях и огромных потерях русского народа, об опустошенных и сожженных селах и городах. И русские офицеры, закаленные в многолетних боях, иногда не могли, да и не хотели сдерживать перед нами слезы. Оттуда «общие слезы» в стихотворении «Смольный». Отец мог совершенно откровенно, как говорится, «по

душам» разговаривать с некоторыми из офицеров и о жертвах Советской власти. Впоследствии он узнал, что в сталинской чистке Красной Армии пострадал и его родной брат (он окончил жизнь в сибирских лагерях). Он не был согласен и с отправкой белых генералов в Советский Союз в 1945 году (никто из них не вернулся), особенно тех, кто отказывался от какого-либо сотрудничества с нацистами. Общий враг все же не мог устранить их различные взгляды на жизнь и общество.

Но и эти «различные взгляды» не смогли помешать матери и отцу при первой возможности, когда был поднят железный занавес (относительная десталинизация во времена Хрущева), посетить Россию и ближайших родственников.

Хотя и с этими *взглядами* дела обстояли не так просто. Мать составила представление о благодатях демократии и капитализма, но и о его ограничениях, выраженных в самоуправстве работодателей. Ей особенно мешало неравноправное отношение к женщинам, особенно на рабочем месте. Она подметила нечто положительное в социализме: стремление к социальной справедливости и равноправию женщин. Даже коммунистическая диктатура не делала различий относительно пола.

Стихотворение «Смольный» опубликовано в Белграде в 1979 году, еще при жизни Тито, вопреки необычной в поэзии «встрече», вероятно, и единственной в своем роде. Встрече в стихах вождя Октябрьской революции с одной не особо за-

служивающей его внимания женщиной, бывшей дворянкой и белоэмигранткой.

Первые возможные, причем весьма сокрушительные последствия публикации стихотворения подобного содержания начал предугадывать поэт Васко Попа. «Еще никто не осмеливался, – говорил он мне, – Ленина, икону Октября, помещать в такой контекст. И живого Ленина в начале стихотворения, а тем более мертвого». «Что значит, – задавался вопросом Васко, – и какие представления вызывает эпилог стихотворения? Никаких других кроме конца ленинской эпохи и возвращения той, побежденной Октябрем». «Эпилог не только ироничен! Если бы только это!» – утверждал Васко Попа. И все же он пожелал быть единственным, кто это стихотворение истолковал настоящим, пусть и «опасным» образом.

Васко Попа не остался единственным толкователем. Стихотворение понравилось и Стояну Вуйчичу, сербскому писателю из Венгрии. Он сразу перевел стихотворение, но все отказывались его публиковать. Без комментариев!

На польский язык «Смольный» перевела Малгожата Вежбицкая и предложила одному из лучших польских журналов «Творчество» («Twórczość»). Редакция включила его вместе с еще парой моих стихотворений в январский номер 1987 года, причем на почетное, ударное первое место. Даже раньше стихотворений Магнуса Энценсбергера. Однако все это происходило во времена Ярузельского и жестокой цензуры.

Цензоры не могли позволить публикацию такого стихотворения, прежде всего в его оригинальном виде, но редакция отклонила все их требования по сокращениям и изменениям. Журнал все же выиграл этот бой, хотя январский номер вышел в свет только в ноябре 1987 года¹⁰.

Стихотворение «Смольный» переведено на многие иностранные языки (великолепны переводы Чарльза Симича и Ричарда Бернса на английский), а в России в переводе Музы Павловой оно опубликовано в моей книге «Пятая сторона света»¹¹.

Но дальнейшая судьба «Смольного» заставляет меня задуматься и об аспектах, о которых писал И. П. Смирнов: «Специфика художественной интертекстуальности рассматривается в трех аспектах: идеологическом (трансформация темо-рематических связей антецедентов), семиотическом (трансформация знаково-референтных связей антецедентов) и коммуникативном (приемы, посредством которых литературное произведение указывает идеальному читателю на свою трансформативную историю)»¹².

Читатели, критически относившиеся к «Смольному» (безразлично, были ли они идеальными, как Васко Попа, или нет), рассматривали стихотворение в идеологическом и коммуникативном аспектах, особенно имея в виду

---

¹⁰ Несколько страниц (с 76-й по 82-ю) перевела с сербского Марина Петкович.

¹¹ *Петров А.* Пятая сторона света. М., 2015–2016.

¹² *Смирнов И.* Указ. соч. С. 5.

радикальную трансформацию привычного образа и живого, и мертвого Ленина.

При создании «Смольного» определенную роль сыграла и культурная память. Работая над подготовкой антологии русской поэзии¹³, я прочитал несколько десятков стихотворений, посвященных Ленину, но ни одно не включил в антологию.

Один из ранних примеров моей культурной памяти, связанной с Лениным, была пьеса Мирослава Крлежи «Cristoval Colon» (1918), опубликованная в 1933 году под названием «Kristifor Kolumbo». Действие пьесы происходит на корабле «Святая Мария», в ночь накануне открытия Новой земли. Адмирал является главным выразителем идеи пьесы, в сущности утопической. Он стремится не к освоению незнакомой территории и связанным с ней богатством, а к метафорическим «звездам». Это звезды нового общественного порядка. Экипажу чужды мечтания Адмирала о новом человеке, о светлом будущем человечества, особенно его осуждение всего «старога», включая и Бога. Матросов со странными именами (Неизвестный, Голодный, Наглый, Пьяный, Сломанный, Упрямый, Дикий, Безголовый) интересуется лишь возможностью наживы. Большинство членов экипажа после долгого плавания начало сомневаться в реальности осуществления затеи, в которую они пустились без знания короля, и потребовало от Адмирала вернуться назад. Их тревожило не

---

¹³ См.: Антологија руске поезије. XVII–XX век. Београд, 1977.

только безбрежное незнакомое направление, но и страх перед голодом и смертью вдали от родины. Когда их окончательно оставила надежда на достижение цели путешествия на поврежденном корабле, они начали толковать о трагической судьбе, о Божьем наказании и решили изменить свое печальное положение освобождением от злого духа Адмирала. Ведь Адмирал не скрывал, что он не верит ни в Бога, ни в короля – ни во что, во что верили они. Кульминация пьесы наступает в момент распятия Адмирала. Распятый Адмирал очевидно сходен с образом распятого Христа, чуждого и Адмиралу, и автору. Так утопическая в своей основе драма Крлежи приобретает в эпилоге антиутопический характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.